

Архитектор – антропологическая проблема, поскольку мы не знаем, что такое архитектура и по силам ли человеку создавать архитектуру. Ущербность существования архитектуры как профессии постоянно приводит архитекторов, с одной стороны, к мании величия и непогрешимости, а с другой – к отчаянию и сомнению. Эта сторона дела практически никогда не освещается ни в критике, ни в полемике, ни в мемуарах. Новая, еще не родившаяся ветвь архитектуроведения – профессиональная антропология архитектора – могла бы осветить скрытые стороны профессии и помочь архитекторам в самоопределении.

Ключевые слова: архитектура, профессия, архитектор, новая ветвь архитектуроведения – антропология архитектора. /

An architect is an anthropological issue, because we don't know what architecture is and whether a human being is able to create it. Inferiority of existence of architecture as a profession always leads architects, on the one hand, to delusion of grandeur and infallibility, and, on the other hand, to despair and self-conceit. This part of the matter is never covered in criticism, polemics or memoirs. A new, not yet born branch of architectural studies, the professional anthropology of the architect, can reveal the hidden sides of the profession and help architects in their self-determination. Keywords: architecture; profession; architect; anthropology of the architect as a new branch of architectural studies.

Архитектор как антропологическая проблема / An Architect as an Anthropological Issue

Посвящается Елене Багиной

Слово «архитектор» обозначает профессию человека, призванного создавать архитектурные произведения. Так сказать, творить архитектуру. Казалось бы – все ясно и ничего удивительного. Почему же я склонен видеть в архитектуре антропологическую проблему?

Прежде всего, потому, что мы точно не знаем сейчас, что такое архитектура и, в частности, по силам ли человеку создавать архитектуру. Или архитектуру создает время, ландшафт, история, миф и еще что угодно, что явно выходит за масштаб человека, превосходит его «человекоразмерность».

Нынешнее падение архитектуры в демократическом обществе обычно связывают с временным опережением техникой иных сфер культуры или превращением человека в массового потребителя промышленного производства. Соответственно, получающего вместо архитектуры продукт строительного дизайна.

Конечно, мы не можем видеть в египетских пирамидах, несомненно, относимых к архитектуре, продукт человеческого творчества и фантазии – это явно нечто иное по масштабу. Таковы же готические соборы.

Но таковы же современные мегаполисы и их деловые районы.

Но, с другой стороны, в типовых пятиэтажках мы уже не видим архитектуры по, казалось бы, прямо противоположным причинам: мы признаем, что это сооружения, построенные по проектам, созданным группой архитекторов, но мы не уверены, что это архитектура.

Теперь посмотрим на этот вопрос с другой стороны. Архитектор, как принято считать, – это профессионал, который владеет своим уникальным профессиональным мастерством. Но и поэт ведь можно считать человека, умеющего сочинять рифмованную словесную конструкцию. Когда поэт говорит о себе: «Я – поэт», – это режет слух. Скорее ему бы пристало говорить: «Я пишу стихи». Но поэзию создает гений – не в том смысле, что гениальный человек, а в том, что поэзия сама себя воспроизводит и пишет. Правда, с помощью того, кто это записывает. Помню, как на процессе Иосифа Бродского судья

спрашивала Бродского, почему он называет себя поэтом, и требовала свидетельства в виде диплома литературного института. Судье казалось, что поэт, как и инженер (человеческих душ), получает необходимую профподготовку в стенах института и без диплома он самозванец и шарлатан. Бродский же отвечал, что поэт – это не от института, а от Бога.

С архитектором в каком-то смысле получается то же самое, но в менее очевидной форме. Сходство архитектуры с поэзией, на мой взгляд, не может быть установлено формально, как родство видов Искусства. Оно в том, что и поэт, и архитектор наполняет жизнь особым смыслом – отчасти возвышенным, отчасти глубинным. И эти смыслы, проходя через душу, ум и фантазию архитектора, ове-ществляются в зданиях, формах и композициях, которые оказываются в чем-то схожи с чудом или волшебством. Но архитектор – не фокусник, хотя в чем-то близок к способности удивлять и поражать, очаровывать или даже пугать.

Нынешнее состояние архитектурной теории и профессиональной подготовки все яснее говорит о том, что это мастерство безвозвратно утрачивается, и нет уверенности, что этот упадок сможет вновь стать возрождением. Но здесь я бы не хотел входить в детали, касающиеся критики теории архитектуры и архитектурного образования; этому посвящены тысячи моих текстов. Здесь я хотел бы обратить внимание на ту сторону дела, которая не сводится ни к теории, ни к программам школ, а именно – к интуиции и мотивам архитектурного творчества, лежащим в глубине человеческого призвания и судьбы. С этой точки зрения, я полагаю, архитектор как профессия так и не смог обрести собственное лицо и метод: в нем сохраняются следы каких-то культурных традиций и методы современной техники в сочетании, не гарантирующем ни успеха, ни осмысленности его работы.

И проблемы архитектурной школы не сводятся ни к методам, ни к наукам, ни к философии. Они лежат в каком-то ином горизонте его призвания – быть носителем смысла жизни, который некогда воспроизводился всей культурой, в том числе и ремесленной традицией, оставшейся надличной и имперсональной, что в совре-

текст

**Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport**

менной профессионализированном варианте подготовки архитектора утрачено и не восстановлено ни философией, ни историей, ни теорией.

Архитектор – это неудачный продукт творческой эволюции, все еще не достигший своей собственной смысловой формы и остающийся странным гибридом утопии, истории, техники, науки, искусства, проектной фантазии, творческой воли и маргинальной социокультурной позиции. Отсюда и экстремизм авангарда, и утопизм градостроительных концепций, и китч эклектизма, и охота за всеми новыми смыслами философии и антропологии, и бегство в среду, ландшафт и тысячелетия памяти. Архитектура все больше уходит из жизни в музей или старый город, превращаясь в новых районах в аттракционы и технические фокусы, взрывается мегаломанией и рассыпается множеством неразличимых осколков геометрического совершенства.

Но и это сейчас не главное. В этом тексте я хотел бы коснуться практически никогда не обсуждаемой проблематики профессионального самосознания архитектора и его сиротства в современном мире, гораздо более ясно определенных множеством кодексов. Иными словами, архитектор (при всей торжественности этого слова, названия профессии, придуманного римлянами на греческий манер как «главного плотника»), остается собственной тенью, капитаном Немо, не готовым не только к исполнению своих высших культурных и человеческих обязанностей, но не готовым даже принять их на себя.

Это маргинальное, пограничное, полупризрачное бытие архитектора растягивается в длинную цепочку его должностных обязанностей в крупной проектной фирме, в противоречиях диалога с заказчиком, клиентом, городскими властями и собратьями по искусству. С внешней стороны все это сводится к уникальному одиночеству архитектора в мире других профессий, а изнутри – в полной неопределенности отношений внутри профессии с ее расслоением на лидеров и эпигонов, гениев и профи, профессоров и учеников. Этот хаос пытаются прикрыть созданием профессиональных журналов, творческих союзов, творческих групп, лидирующих и модных или, напротив, традиционных школ и академий, премиями и наградами. Но все это лишь «тени забытых предков».

Это недо-ставшее существование архитектуры как профессии постоянно приводит архитекторов, с одной стороны, к мании величия и непогрешимости, а с другой – к отчаянию, сомнению или готовности стать кинорежиссером, историком, дизайнером, наконец, профессором, ректором или академиком. По воле судеб, всего этого можно добиться и не сделавшись подлинным архитектором. Трудно, но необходимо признать, что интеллектуальный статус нынешних архитектурных школ и академий в большой степени фиктивный и рожденный скорее бюрократическим стандартом, чем интеллектуальной и профессиональной потребностью.

Однако эта сторона дела практически никогда не освещается ни в критике, ни в полемике, ни в мемуарах. Архитектурные мемуары – жанр практически столь же не состоявшийся, как и сама профессия, потому что вспоминать и рассказывать либо не о чем, либо не хочется. Стыдно. И стыд этот объясняется именно несоответствием громкого слова и имени и куда менее доблестной реальности.

Поэтому столь важна и столь неразвита сфера мемуаров и признаний, как и область биографической литературы об архитекторах, порой осуществляемая в достаточной фантастических формах (роман Айн Рэнд «Источник» о Райте). Поэтому так остро – и то лишь немногими – ощущается потребность взглянуть на мир архитектора изнутри, из глубины его самосознания, истории жизни. И дело тут не в пристрастии к чужим тайнам и сплетням;

речь идет о гораздо большем – о понимании судьбы этой профессии, которая, при всей своей нынешней недоразвитости и несостоятельности, остается необходимой и, можно сказать, чуть ли не центральной в жизни массы горожан, если не в жизни всей современной культуры.

В беседах со мной Феликс Новиков – один из самых известных советских архитекторов второй половины XX века, известный еще и как весьма неординарный автор текстов об архитектуре, признавался, что и для него судьба архитектора, тайна его творческой и общественной жизни была и остается важнейшей темой размышлений.

Среди этих тайн, кроме общечеловеческих – брак, семья, дети множество сугубо профессиональных отношений и событий, связанных, прежде всего с коллективной работой в бригаде или связанной с перестройкой сооружений других архитекторов еще при их жизни.

Мало мы знаем об отношениях учителей и учеников, мастеров и их подмастерьев – а ведь каждый зодчий имеет такую, порой драматическую, историю, равно как историю отношений с властью имеющими покровителями или богатыми заказчиками. Сами по себе драматичные, эти отношения чаще всегда покрываются внешними итогами конкурсов, мнениями критиков или теоретиков. Но за ними стоят порой совершенно не раскрытые и мало кому известные заимствования, противостояния, соперничество, риски и множество случайностей, повлиявших на замысел и попытки его реализации в реальной системе связей и отношений.

Мне представляется, что сложившаяся традиция неприкасаемости к этой личной судьбе архитекторов играет весьма важную роль в непонимании самой сути профессии, ее места в культуре, науке, праве, социальных ролях и идеологических путях своего времени. У архитекторов складывается не просто их кредо или творческий метод; в их работе вырабатывается и род идеологии, даже религии или суеверий, которыми они руководствуются и которые никем и никак не контролируются извне, оставаясь тайной самого зодчего как индивидуальной личности с ее судьбой.

Противостояние архитекторов друг другу в условиях конкурсов и соревнований никак не могут быть сведены к принципам стиля, манеры, жанра, типологии и самоповторения или заимствования чьих-то идей. Это всегда органический клубок намерений, амбиций, интуиции, уникальных условий и сочетаний обстоятельств места и времени.

С большим интересом я бы следил за той внутренней игрой оппозиций – от обожания до ненависти, – которые составляют ткань творческой судьбы зодчего. И не для каких бы то ни было бы разоблачений и упреков, а для понимания системы внутренней борьбы профессионального сознания, которое до сего дня не имеет никаких ясных критериев качества и целиком остается скрытой от внешнего наблюдателя игрой сил.

Конфликты, имевшие место в древности, – к примеру, непонимание между Леонардо и Микеланджело, – никуда не делись, а, возможно, только усилились в наше время, разорванное между сословиями, партиями, науками, ведомствами и, наконец, поколениями. Именно судьбы поколений остаются одной из решающих сил в становлении индивидуальных характеров архитекторов. И далеко не случайно, что выходящие на поверхность конфликты чаще всего интерпретируются именно как конфликты поколений.

История архитектуры, утратившая генеральные линии развития и деградации, остается жертвой этой коммуналности и борьбы поколений, которая после смерти архитектора практически навсегда исчезает из поля зрения профессии и ее культуры. И мы никогда не поймем ни специфики этой профессии, ни ее перспектив – как в

науке, так и в эзотерике, – если не научимся или, точнее, не осмелимся увидеть эту скрытую сторону профессии. Эту обратную сторону профессиональной луны.

Разумеется, можно было бы сказать, что все это можно отнести и к любой другой судьбе и профессии. Отчасти с этим придется согласиться, но нельзя не видеть, что в судьбе архитектора этот разрыв во много раз значительнее и важнее, чем в других, более исторически успешных профессиях, в том числе, в профессии художника, ученого и философа.

Архитектор в новой реальности / An Architect in the New Reality

Наступивший 2018 год содержит, среди прочих, пятидесятилетний юбилей Римского клуба. По этому поводу в самом конце года ушедшего вышел очередной доклад этого знаменитого клуба интеллектуалов, озабоченных глобальными проблемами общечеловеческого масштаба¹.

Целый раздел доклада посвящен задачам архитектуры и градостроительства в той новой реальности, которая предлагается человечеству вместо привычной старой, твердым шагом идущей к неизбежной катастрофе.

Нельзя сказать, что урбанистический раздел доклада содержит нечто принципиально революционное. Экогорода, замкнутый цикл по основным ресурсам, энергетика с нулевым балансом на основе «чистых» источников, баланс рурального и урбанизированного образа жизни – все это обсуждается уже не первое десятилетие.

Интересно другое. Как всегда в докладах Римского клуба, в тексте прослежены неожиданные связи архитектуры с экономикой, экологией, социологией, социальной психологией. И вот этот-то «трансдисциплинарный» подход как раз очень активно будит мысль и порождает массу острых и рискованных, но содержательных вопросов.

Итак, вопрос первый: для кого в основном работают архитекторы старой, традиционной реальности? Кто способен оплатить их высококвалифицированный и творческий труд? Заказчик неизбежно относится к ничтожному проценту имущих, которым принадлежит от 50 до 90% всех богатств мира (социология). Это, по большей части, финансовые спекулянты, потому что именно они преобладают среди богатых и сверхбогатых: ведь девяносто восемь процентов финансовых операций носят ныне спекулятивный характер (экономика). Это люди с психологией временщиков и паразитов – ведь они ничего не производят, а все свои богатства получают в результате сложных и хитрых игр в банковской и биржевой сферах (социальная психология). Именно поэтому их потребительство несет явный отпечаток безумной алчности и расточительности. Так, десять процентов самых богатых домохозяйств мира являются источником сорока пяти процентов общего объема выбросов мусора и атмосферных загрязнений (экология).

Вполне естественно, дальше следует второй вопрос: а что же здесь нового? Начиная с египетского Древнего царства архитектор работал по заказам богатых и властных. Царица Хатшепсут, герцог Лоренцо Великолепный, мэрия Большого Лондона – все они были заказчиками совсем не бедными, но кому это мешало?

Новость заключается в том, что в современном мире больше нет свободных мест и «белых пятен» – ни в географическом, ни в экономическом, ни в культурном смысле. Чтобы возвести здание или город, надо снести старую (историческую) застройку. Чтобы вложить милли-

Дождемся ли мы появления этой новой ветви архитектуроведения, которую можно было бы назвать профессиональной антропологией архитектора? Трудно сказать, ибо для ее рождения потребуются сильнейший рывок за рамки принятых форм архитектуроведения и необычайная смелость и открытость исследователя. Нынешнее состояние архитектуроведения такого прорыва, увы, пока не обещает.

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

ард в новаторскую постройку, надо вычесть эту сумму из других социальных программ. Чтобы воплотить в стекле и бетоне авторские фантазии, надо изменить традиционный образ города. Полный, пустой мир, в котором жили наши предки на протяжении тысячелетий, на наших глазах заменяется миром полным, в котором больше нет никаких пустот. Зодчество, самое масштабное из всех видов художественного творчества, приобретает зловещее сходство с добычей и распродажей нефти и других невозобновляемых ресурсов, потому что каждый новый проект означает разрушение и утрату чего-то старого. И где взять уверенность, что новое будет более ценным?

Тут появляется вопрос номер три: что же тут поделаешь? Можно, конечно, поплакать над горькой судьбой сегодняшнего (а еще горше – завтрашнего) архитектора, которому достался такой незавидный выбор: либо становиться соучастником расхищения тысячелетних культурных накоплений, либо оставаться без работы...

Не будучи архитектором, наберусь, однако, нахальства и предложу свой вариант ответа на последний вопрос.

Профессия архитектора меняет свой смысл и содержание. Преобразующая, новаторская функция отступает на второй план. Вперед властно выдвигается функция сберегающая, сохраняющая. Не музейная консервация, а продление полноценной жизни зданий, кварталов, городов. Не в навязывании людям «единственно правильного» образа жизни, не в прогрессорском пафосе конструктивистов и корбюзинцев социальная роль современного архитектора. Тонкое и глубокое вчувствование: какие ценности составляют основу образа жизни людей, которые будут жить в этом доме, квартале, городе? Какие ритмы, какие эмоциональные состояния, отношения поколений, этика и эстетика присущи именно этим людям? Что можно изменить, а что лучше оставить неизменным? «Не надо чинить то, что не сломано» – сказал Конфуций.

Как и любая конверсия, смена смысла профессии протекает болезненно. Профессиональное образование, профессиональное сообщество, традиции, престиж, институциональное оформление – все это крошится и ломается. Что возникает из-под обломков?

1. von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2018. – 220 p.